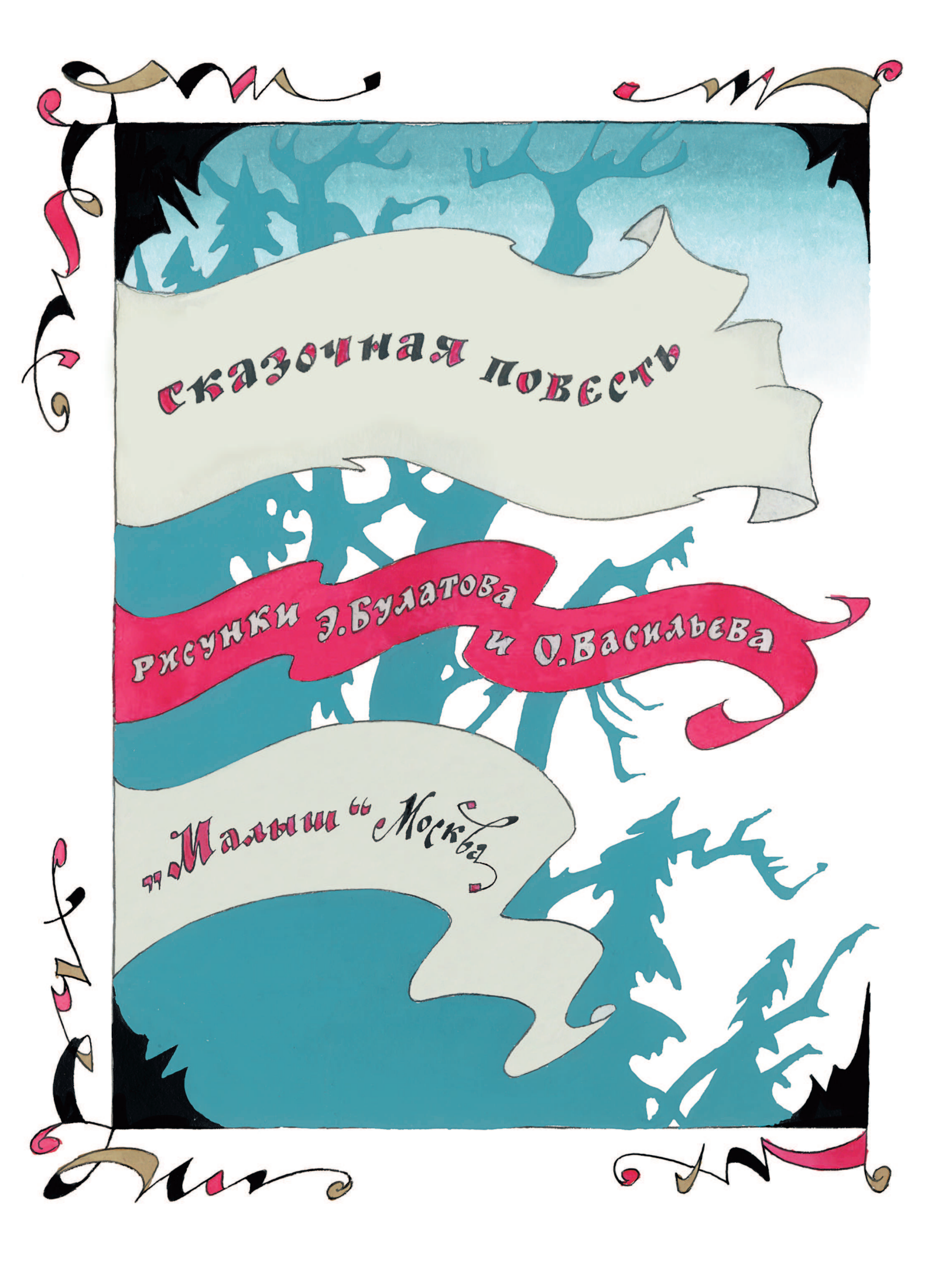

сказочная повесть

рисулки Э.Булатова
и О.Васильева

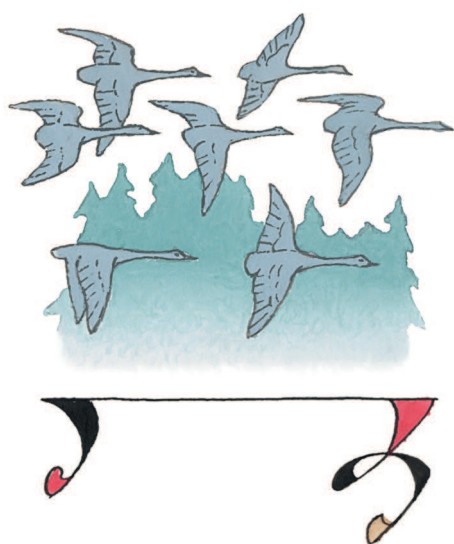
«Малыш» Москва

СЕЛЬМА

ЛАГЕРАЁФ

ЧУДЕСНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
НИЛЬСА
С
ДИКИМИ
ГУСЯМИ.

«МАСТИШ»

1

Вестра Вемменхёг — так назывался приход в шведской провинции Сконе, где находился торп — небольшой клочок земли родителей Нильса Хольгерссона. Они взяли эту землю в аренду и обрабатывали её, чтобы прокормиться.

Родители Нильса были людьми работающими и прилежными, с утра до ночи трудились на своём крохотном участке, и в последнее время уже не только куры да поросёнок, а даже коровы и гуси появились в их хозяйстве. Жить бы да радоваться, но вот беда — единственный их сын рос балбес балбесом. Учиться ему было лень, а уж дома — ну ничем помочь не хотел. Ему бы всё без дела слоняться да воробьёв из рогатки стрелять. А то возьмёт поймает кота — и давай ему хвост крутить. Кот орёт, а Нильс хохочет-заливается. С трудом пристроили его пасти гусей. Но и это он делал с неохотой.

Как-то раз воскресным утром собрались его родители в церковь. Нильс, ясное дело, идти с ними не пожелал.

«Останусь дома один, — думал он. — Что захочу, то и буду делать. Некому будет ворчать да по-нукать меня. Вот, например, сниму со стены отцово ружьё — и постреляю. Весело!»

Но отец точно услышал его мысли.

— Вот что, — сказал он строго. — Раз ты остаёшься дома, са-

дись и читай воскресную проповедь. Понятно тебе?

Матушка быстро подошла к полке и положила перед Нильсом книгу, раскрыв её на нужной странице.

«Ну и ладно, — подумал Нильс. — Ну и прочту парочку страниц, а потом всё равно повеселюсь».

Что ты будешь делать! Отец снова как-то разгадал, о чём он думает.

— Гляди у меня, — продолжал он. — Чтобы читал внимательно! Вернёмся — перескажешь каждую страничку, не то так и знай, оборву уши.

Родители ушли.

Утро было чудесным. И хотя на дворе был всего лишь март месяц, стояла настоящая весна. Ведь Вестра Вемменхёг находился на самом юге провинции. Небо было голубым и по-мартовски высоким, почки на деревьях набухли, отовсюду слышались звоны-перезвоны весенних ручейков, лицо обдувал ласковый душистый весенний ветер. Природа радовалась, а на душе у родителей Нильса было смутно.

«Один у меня сын, — думал отец, — а такой лоботряс и бездельник. Я так надеялся, что вырастет у нас в доме дельный помощник».

«И почему, почему у него такое жестокое сердце? — ду-

мала матушка. — Почему в радость ему мучить животных? Почему он такой недобрый к людям?»

Тем временем Нильс, оставшись дома один, пододвинул к столу отцовское кресло и, взобравшись на него, уставился в книгу. Угроза отца показалась ему серьёзной. Он стал бормотать себе под нос слова проповеди.

Ой, какая скучища! А на улице-то как хорошо! И солнышко светит, и уже зеленеет трава, и расцветают подснежники, и буковый лес вдали кажется пушистым от набухших, готовых распусться почек. Погулять бы, побегать! Нет, всё-таки надо одолеть проповедь, ничего не поделаешь, иначе и правда схлопочешь хорошую оплеуху.

Он принялся прилежно читать. Только глаза его стало точно заволакивать дымкой, голова клонилась, Нильсу смертельно захотелось спать. Он помотал головой, отгоняя дрему, но одолеть её не смог. Его щека коснулась раскрытой книги. Нильс уснул.

2

Проснулся Нильс от какого-то странного шелеста. Что это там шелестит? Над столом висело большое зеркало, в котором отражалась вся комната. Нильс поглядел. Вроде бы в комнате никого не было. Он пригляделся попристальнее. Что это? Матушкин большой сундук, который она всегда держала на запоре, открыт. Крышка откинута. Воры! Он проспал воров! Снова послышался шорох, и тут он увидел на краю сундука крошечного человечка.

На нём был чёрный кафтан почти до самых пяток, с кружевными манжетами и воротничком, и красивые сапожки с серебряными пряжками.

«Да это же домовый, — догадался Нильс. — Вот он какой! А уж крошечный — чего же такого пугаться? Вот я его столкну в сундук и захлопну крышку. То-то матушке будет сюрприз! Ха-ха! Впрочем, нет. Лучше я его сейчас поймаю!»

Он схватил старую мухоловку, которая висела возле окна, и — раз! — проворно накрыл сеткой крошку-домового!

Готово! Бедный человечек барахтался на дне мухоловки, цепляясь за сетку, а Нильс вертел в руках сачок и потешался над тем, как домовый, пытаясь выбраться оттуда, смешно размахивает своими крошечными ручками.

— Ну что? Попался? Будешь шарить по чужим сундукам?

Правда, Нильс и сам хорошенько не знал, что же ему дальше делать с домовым. Запереть в сундук? Отпустить? Но тут домовый заговорил.

— Как же тебе не стыдно, Нильс! — сказал он тихим голосом. — Я давно живу в вашем доме и немало добра сделал твоей семье. Отпусти меня, пожалуйста, на волю!

— Вот ещё, не хватало так прямо взять — и отпустить!

— Я дам тебе золотую монетку, большую-пребольшую. Согласен?

— Ну, что ж, давай монетку, я накуплю себе конфет и марципановых барашков.

Он перестал размахивать мухоловкой, и домовый совсем было уже выбрался на волю, как Нильсу вдруг стукнуло в голову, что он остаётся внакладе.

«Дурак я, дурак, — подумал он. — Домовые ведь умеют колдовать, что ж я не потребовал от него, чтобы воскресная проповедь мне сама собой запомнилась безо всякого труда?»

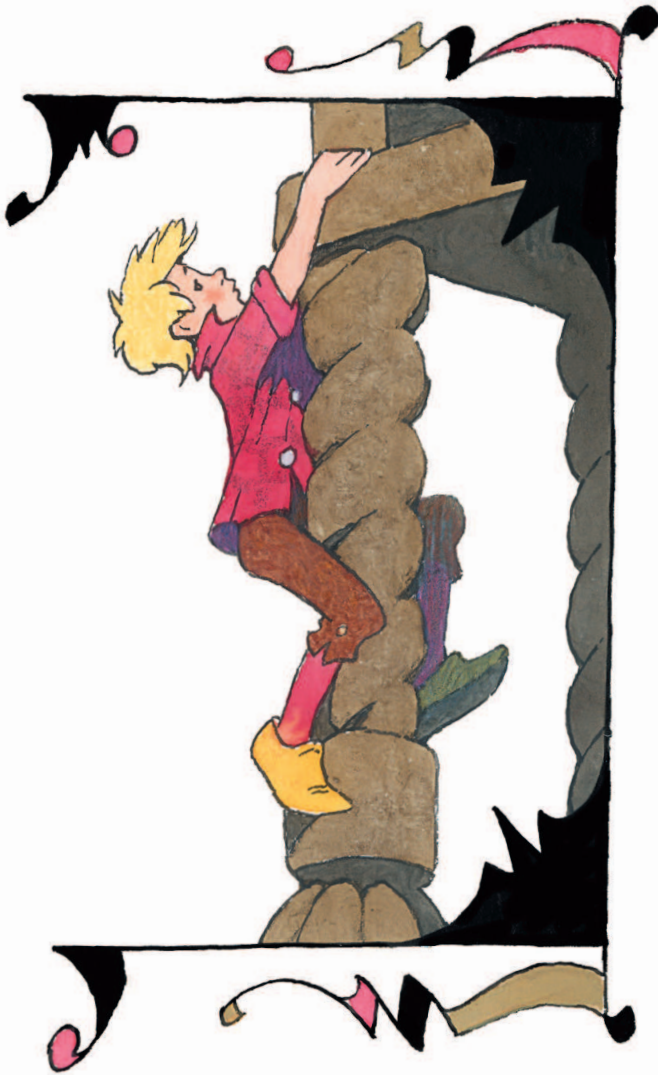
И он как следует потрянул мухоловку. Но вдруг кто-то, неизвестно кто, дал ему такого подзатыльника, что он с размаху полетел на пол, а руки сами собой разжались и выпустили мухоловку.

Когда Нильс пришёл в себя и, шатаясь, поднялся на ноги, комната была пуста. Крышка сундука была закрыта, а старая мухоловка по-прежнему висела на гвозде.

— Шуточки, — проворчал Нильс. — Померещилось мне это всё спросонья, что ли?

Надо было скорей читать, а то не миновать ещё одного подзатыльника. Кто это ему поверит про всю эту историю с домовым?

Только... только что это? Комната стала такой огромной! Стены расступились, потолок был где-то высоко-высоко. А кресло! Бог ты мой, чтобы взобраться на него, Нильсу пришлось карабкаться, как на высоченную сосну. Книга всё ещё лежала на столе и была по-прежнему открыта на той же самой странице. Но попробуй-ка почитай её, когда каждая строчка в ней была длиной с дорогу до соседней деревни! Нильс на животе прополз от слова к слову и, прочитав всего две строки, так устал, точно одолел всю книгу от корки до корки.

— Что же это такое? Что же это сделал проклятый домовой с комнатой, и с мебелью, и с книгой? Попадись он мне ещё раз...

Тут его взгляд упал на зеркало — и Нильс просто раскрыл рот от удивления. В зеркале отражался маленький человечек, но не домовой, а кто-то другой. В кожаных штанах и клетчатой рубашке. Он растерянно смотрел на Нильса. Этого ещё не хватало!

— Эй ты, катись отсюда! — закричал Нильс и замахнулся на незваного гостя.

Тот замахнулся в ответ. Что за притча?

Нильс погрозил ему кулаком, стал дразниться, показывать язык, и приседать, и подпрыгивать. Человечек в точности повторял все его кривляния. Он тоже погрозил кулаком, и показал язык, и точно так же приседал и подпрыгивал.

«Постой, постой, — вдруг подумал Нильс. — Кожаные

штаны... Но ведь и у меня такие же! Клетчатая рубашка... А на мне что надето? Нет! Не может быть!»

Он закрыл глаза, надеясь, что всё ему только привиделось. Снова открыл. Нет. Всё то же. Маленький человечек с белыми прямыми волосами, с веснушками на носу, в кожаных штанах и клетчатой куртке. Конечно! Это же он, Нильс Хольгерссон, отражается в зеркале! Домовой разозлился на него и заколдовал его, и вот теперь он, Нильс Хольгерссон, стал таким же домовым — маленьким-премаленьким, которого легко было поймать мухоловкой!

Что же делать? Что же ему делать?

«Надо немедленно отыскать домового и помириться с ним, — подумал Нильс. — Наверно, я был слишком груб. От меня не убудет, если я попрошу у него прощения».

Он обыскал всю горницу, но в доме домового не было. Нильс решил выйти во двор. Пока он добирался до порога, ему пришло в голову:

«А как же мои деревянные башмаки? Они же теперь по сравнению со мной будут как две огромные лодки».

Но башмаки лежали на крылечке на своём обычном месте и были маленькими как раз ему впору.

Как только Нильс вскарабкался на порог, его увидел скакавший возле гусиного корытца воробышек. Вчера Нильс охотился на него с рогаткой, да промазал.

— Чик-чирик! Чик-чирик! — зачирикал воробышек. — Поглядите на Нильса! Поглядите на Нильса! Нильс — гусиный пастух — превратился в малышку! Превратился в малышку! И теперь его будут звать Тумметотт-Малыш, ростом с палец!

Куры, услышав воробья и глянув на Нильса, закудахтали:

— И поделом ему! И поделом! Так и надо! Так и надо!

Что самое удивительное — Нильс теперь всё понимал, что они говорят.

— Замолчите вы! — крикнул им Нильс и кинул в них палкой. Он забыл, что он теперь крошечный и никто, решительно никто его не боится!

Куры кинулись к нему и заклевали бы, наверно, да тут наудачу во дворе появился кот. С котом никому из них связываться не хотелось. Они разбрелись кто куда и стали сосредоточенно разрывать лапками землю в поисках зёрнышка или червячка.

— Миссе, милый Миссе, — обратился Нильс к коту. — Ты видишь, домовый заколдовал меня, помоги мне отыскать его, Миссе, голубчик.

— Да? — сказал кот. — Помочь тебе за то, что ты столько раз таскал меня за хвост и швырялся в меня камнями? Отойди от меня, иначе отведаешь моих когтей!

Нильсу хотелось попросить у кота прощения, но кот отвернулся от него и пошёл своей дорогой.

Бедный Нильс опустился на землю и горько заплакал. Только теперь он окончательно понял, что с ним случилось. Было просто страшно подумать, какой он несчастный! Теперь он больше не будет играть со своими друзьями. А в какое отчаяние придут отец с матушкой, когда увидят его такого!

Сквозь слёзы смотрел он на отчий дом, такой маленький, но

теперь слишком большой для него, Нильса! Он больше не человек. Нет, не человек...

А погода стояла дивная. В ясном высоком небе летели стаи перелётных птиц. Теперь, с весной, они направлялись на север. Среди перелётных стай Нильс угадывал аккуратные клинья диких гусей. Они летели высоко, но до него доносился их крик. Они кричали:

— Летим на север! Летим на север!

А некоторые, пролетая над птичьим двором, звали своих родственников, домашних гусей:

— Летите с нами! Летите с нами!

Домашние гуси прислушивались.

— Нам и здесь хорошо живётся! Нам и здесь хорошо живётся! — отвечали они попервоначалу.

Но гусиные стаи всё летели и летели, одна за другой, одна за другой, и домашние гуси начинали беспокоиться. Ах, полететь бы в вольном небе в далёкую и неведомую Лапландию!

— Придите в себя, — говорила им старая мудрая гусыня. — У диких гусей столько испытаний на пути. Их подстерегают и голод и холод, и голод и холод.

«Надо всё-таки рискнуть, — подумал молодой гусак по имени Мортен. — Всё. Решено. Я лечу со следующей стаей!»

И вот в небе появилась ещё одна стая, и дикие гуси кричали так же, как пролетавшие до них:

— Летите с нами! Летите с нами!

— Погодите! Погодите! — закричал белый гусак. — Я — с вами! Я лечу с вами!

Он раскинул крылья, разбежался, сумел подняться в воздух. Но тут же свалился на землю. Он не привык летать.

Скорее всего дикие гуси услышали его крик, потому что клин развернулся и полетел обратно.

— Возьмите меня с собой! — снова закричал домашний гусь.

«Как же так? — подумал Нильс, который понял все их разговоры до последнего слова. — Это же самый лучший

мамин гусь. Мама огорчится, когда вернётся из церкви и не найдёт его на птичьем дворе».

И, забыв, какой он теперь маленький и слабый, мальчик кинулся к гусю.

— Эй, ты! — закричал он. — Ты эти штучки брось!

И он обхватил обеими руками шею белого гусака.

Но в этот самый момент гусь наконец понял, что надо делать, чтобы взлететь. Он оторвался от земли и полетел, не обращая внимания на уцепившегося мальчишку.

Мощные взмахи крыльев быстро поднимали гуся в небо. Нильс посмотрел вниз. Батюшки! Земля стремительно удалялась от него. Спрыгнуть? Ну нет! Разобьёшься — и всё тут. Единственное, что ему оставалось, — попытаться перебраться гусю на спину и сесть верхом. Так будет надёжнее.

1

воздухе у мальчика кружилась голова и перехватывало дыхание. Свистел ветер, хлопали крылья, ему казалось, что вокруг бушует гроза. Высоко ли они летят или низко? И куда, главное — куда?

Он набрался духу и поглядел на землю. Это земля? Но она совсем не похожа на землю! Там, внизу, была расстелена какая-то клетчатая скатерть. Клетки были большие и поменьше; одни были жёлтые, другие — зелёные, а некоторые — и вовсе чёрные.

— Что же это такое там, внизу? — спросил он вслух, не ожидая ответа.

Но гуси отозвались.

— Поля и луга, поля и луга, — прогоготали они.

Вот оно что! Нильс сообразил, что зелёные клетки — это там, где всходят озимые злаки, жёлтые ещё не распаханые прошлогодние поля, а чёрные — земля, оставленная под паром.